

МЕТОНИМИЯ: ПОПЫТКИ ОПИСАНИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЯ

И. А. Солодилова

Оренбургский государственный университет

Поступила в редакцию 1 сентября 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена рассмотрению метонимии как когнитивно-семантической структуры в ее сравнении с метафорой и разработке процедуры описания ее семантики. Предлагаемая автором процедура анализа основана на использовании теории концептуальной интеграции и фреймового подхода к описанию семантики лексических единиц. В качестве основополагающего свойства, определяющего взаимодействие в метонимии концептуальных единиц, утверждается прототипичность.*

Ключевые слова: *метонимия, когнитивно-семантическая структура, прототипичность, концептуальная интеграция, фрейм.*

Abstract: *the article deals with metonymy as a cognitive structure and the procedure of description of its semantic. The proposed procedure is based on the conceptual integration theory and on the frame approach to the description of lexical semantics. As a basis quality of cognitive spheres, which determines their metonymic integration, is asserted, that they are prototypical.*

Key words: *metonymy, cognitive structure, prototypical, conceptual integration, frame.*

Метонимия долгое время находилась в тени лингвистических исследований, уступая место метафоре, что, на наш взгляд, совершенно не оправдано и никак не может объясняться сущностью самого явления. Метонимические процессы и феномены являются не менее, а, может быть, и более основополагающими для языка и мышления, чем метафорические, поскольку метонимия вследствие лежащих в ее основе отношений смежности гораздо глубже коренится в когнитивно-семантических структурах, чем метафора. По всей видимости, метонимические переносы играли более активную роль и предшествовали метафорическим в процессах концептуализации на раннем этапе развития homo sapiens в силу большей доступности для осознания именно отношений смежности по сравнению с отношениями подобия и сходства, о чем свидетельствуют некоторые диахронические исследования абстрактных понятий, таких как, например, время [1]. Отношения смежности, действительно, более очевидны, так как отражают объективные связи предметов и явлений. Некоторыми учеными [2; 3] утверждается метонимическая мотивированность метафор как общее явление, согласно которому метафорические проекции всегда имеют метонимическую основу.

Со времен когнитивного переворота в лингвистике метонимии как ментальному механизму посвящено немало работ [4–8].

Классический, или риторический, подход к изучению метонимии, имеющий ономазиологическую основу, оперирует именем вещи и описывает сущ-

ность метонимии с помощью метода субституции (X используется вместо Y). Некоторые лингвисты опровергают принцип субституции, используя модифицированную формулу: $X + Y$ [8]. Очень часто при описании метонимии в терминах лингвокогнитивного подхода современные дефиниции оказываются вполне соответствующими и метафоре. Так, З. Кёвечес описывает метонимию как попытку обратить внимание на одну сущность посредством другой, находящейся с ней в некоторых отношениях. Иными словами, вместо прямого упоминания второй сущности мы обеспечиваем к ней ментальный доступ через другую сущность [9, с. 144]. Однако это объяснение вполне соответствует, на наш взгляд, и метафоре.

Сходство в толковании феноменов метафоры и метонимии определяется их общей концептуальной природой: и тот и другой описываются как концептуальный домен, индивидуальная когнитивная модель, концепт, когнитивно-семантическое пространство (в зависимости от используемой терминологической системы).

Все попытки определения разницы между метафорой и метонимией сводятся прежде всего к определению того типа отношений, в которых находятся составляющие метонимию единицы. Традиционное определение метонимии как переноса на основе смежности явлений стало обрастать дополнительными «нюансами» лингвокогнитивного толка. Чаще всего стало упоминаться, что если метафорическое проецирование задействует две различные концептуальные области, то метонимия представляет собой трансформацию в рамках одной концептуальной

области [1, с. 19; 8]. Метонимический сдвиг определяется также как «сдвиг фокуса внимания при концептуализации реальной ситуации», «как изменение соотношения между фигурой и фоном» [6, с. 190]. Такой сдвиг обеспечивают прочные ассоциативные связи (как, впрочем, и в метафоре), но основанные в отличие от метафоры не на сходстве, а на смежности.

Насколько правомерно говорить о процессе метонимического проецирования в рамках одной концептуальной области, зависит от того, что понимается под концептуальной областью. Если концептуальная область есть единичный концепт, что логически следует из анализа любой метафоры (*Она настоящий генератор идей*: концепт1 – человек, концепт2 – генератор идей), то почему, говоря о различных концептах в метафоре, правомерно говорить об одном и том же в метонимии (*Красная кепка важно прошагала перед всем строем*) и, соответственно, о проекции в рамках одного концепта, уже обладающего именем и получающего другое имя «из себя самого»? В этом отношении более логичной, на наш взгляд, кажется точка зрения Антонио Барселонны, определяющего метонимию на основе двух критериев: 1) область-источник и область-цель принадлежат одному и тому же концептуальному *пространству* (которое не идентично концептуальной области / домену/ концепту, а мыслится шире) и 2) область-источник и область-цель связаны между собой функционально-прагматическими отношениями, которые отсутствуют в метафоре [10, с. 236–240]¹.

Рассуждая в этой же логике, Г.-Г. Дрессигер [11] выделяет в качестве наиболее значимого для процесса метонимизации *свойство прототипичности*: «одна из единиц прототипически находится в центре когнитивно-семантического пространства и притягивает в свое окружение другие единицы по принципу когнитивно-семантической когерентности» [там же, с. 156] (перевод наш – И. С.). По мнению ученого, прототипичность как раз и составляет то свойство, которое отличает метафору от метонимии и обуславливает взаимодействие двух когнитивных единиц.

Особый интерес представляет собой подход Битрис Варрен [12] к исследованию метонимии. Она идет дальше когнитивистов в их пристрастии рассматривать метафору и метонимию исключительно на ментальном уровне и исследует проблемные вопросы не из концептуальной, а из языковой перспек-

тивы. Для описания метонимии она пользуется понятиями «*эксплицитный*» и «*имплицитный элемент*» и предлагает различать референциальную и пропозициональную метонимию. Пропозициональная метонимия содержит метонимические отношения и соединяет метонимически две пропозиции (*How did you get to the airport? – I waves down a taxi*). Референциальная, напротив, представляет собой языковое выражение, называющее метонимическое отношение, которое соединяет две сущности (*Give me a hand with this*) [там же, с. 114–115]. Прототипическим характером обладает референциальная метонимия, пропозициональная, по ее мнению, представляет собой маргинальное явление.

Сопоставляя метафору и референциальную метонимию, Б. Варрен выявляет следующие семантические, синтаксические и функциональные различия: 1) метафора в отличие от метонимии гипотетична; 2) метафора, как правило, выходит за рамки синтагмы, метонимия остается в рамках одной синтагмы; 3) в метафоре область-источник и область-цель связаны различными ассоциативными связями, в метонимии значимым является лишь одно отношение; 4) концептуальная метафора, имея различные формы языкового выражения, может пронизывать весь текст, метонимии это не свойственно; 5) метафора представляет собой семантическую операцию (по перенесению некоторых качеств), а метонимия – синтаксическую (по стяжению начала и конца пропозиции в усеченную форму) [12, с. 118].

Позволим себе прокомментировать эти положения Б. Варрен, добавив к ним собственные рассуждения, касающиеся объяснения особенностей языкового поведения исследуемых концептов исходя из их концептуальных характеристик.

Метафора как семантическая операция связана с перенесением *лишь части* признаков области-источника на область-цель, она приписывает эти признаки последней и характеризует ее исходя из них. Соединение части одного концепта с другим в единую сущность обуславливает вертикальный характер этой связи, ее парадигматичность (на что, как известно, хотя и с иных позиций, указывал еще Р. Якобсон, противопоставляя метафору метонимии). Это соединение произвольное, не существующее в реальности, что и обуславливает в итоге гипотетический характер метафоры.

В (референциальной) метонимии происходит целостное наложение области-источника на область-цель так, что первая «подминает» под себя в силу своей прототипичности вторую, *перенимая на себя ее функцию референции*. Это линейное сопряжение дает номинативное образование, построенное по принципу импликации и представляющее собой свернутую синтаксическую структуру (*Красная кеп-*

¹ Ученый демонстрирует это положение на примере метафоры *Джон – лев* и метонимии *Он пал на войне*. Хотя концепты ДЖОН и ЛЕВ и относятся к общему домену ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА, но между ними нет функционально-прагматической взаимозависимости. Таковая объединяет концептуальные сущности в приведенной метонимии ПАДАТЬ и УМИРАТЬ (тот, кто умирает, падает) [10, с. 236, 240].

ка важно прошагала перед всем строем = Человек в красной кепке). Языковая линейность, или синтагматичность, соответствует на ментальном уровне соположенности, смежности взаимодействующих в метонимии концептуальных единиц. Эта смежность реальная, а не гипотетическая: наличествующее свойство области-цели выделяется за счет эксплицитно представленной области-источника. Интерпретация метонимического выражения всегда содержит обозначения обоих взаимодействующих единиц и ограничено синтагмой в отличие от метафоры, которая всегда выходит за ее пределы: *Чайник кипит* = Вода в чайнике кипит. – *Он просто кипел от ярости* = Он был возбужден до такой степени, что это было похоже на кипение.

Множественность языковых выражений, реализующих концептуальную метафору, обусловлена множественностью проекций, связывающих две концептуальные области метафоры. Метонимии всегда единичны, как единичны связи составляющих их единиц.

Концептуальными характеристиками объясняются и некоторые другие особенности языкового поведения исследуемых феноменов (см. подробнее [13, с. 348–253]). Приписывание части признаков области-источника области-цели обуславливает преимущественное функционирование метафоры в сфере предиката, метафора обозначает, по сути, не предмет, а его признаки, претерпевая тем самым (как имя существительное) «частичную адъективацию», с чем связана возможность употребления с метафорой градуирующих определений: «*Он ужасная шляпа*» [13, с. 349]. И даже в идентифицирующей функции метафора (будучи живой) сохраняет свойственные ей аспекты характеристики (*Да, эта лиса всех обвела вокруг пальца!*), а «ее синтаксическое перемещение ощущается как функциональный сдвиг» [там же]. В метонимии речь идет не о приписывании части признаков одного концепта другому, а о *референциальном* сдвиге: в результате целостного наложения области-источника на область-цель первая перенимает на себя референциальную функцию второй, вследствие чего «для метонимии типично выполнение идентифицирующей функции по отношению к конкретным предметам» [там же, с. 352].

Поскольку метонимия, как и метафора, относится к категориям языка и сознания, представляет собой когнитивно-семантическую структуру, или концепт, то и подходить к ее характеристике необходимо исходя из основных свойств концепта, которые и будут составлять ее базисные свойства.

Если последний представляет собой структурированную совокупность знания как результат переработки целостного восприятия некоторого отрезка окружающей действительности, когнитивно-семан-

тическую структуру, высвечивающую в определенном окружении – дискурсивном контексте – те или иные признаки, получающие в случае метонимии прямую, непосредственную фиксацию в языке, то подобное высвечивание этих признаков, основанное на смежном положении двух концептуальных единиц, и является основой образования метонимии. Пути и направления такого высвечивания зависят от ментально-языкового опыта в использовании имеющегося знания и, конечно, от намерений и мотивов говорящего, т.е. имеют *интенциональную основу*, что и позволяет метонимии наряду с идентифицирующей функцией выступать также и в качестве средства оценочного выражения.

От того, какой элемент будет выделен в объекте нашим «внутренним глазом», зависит и статус метонимии, и ее назначение. В основе своей употребление метонимических выражений и, прежде всего, конвенциональных или узуально укоренившихся, связано с такими параметрами, как *обезличенность*, *рациональность*, *дистантность* по сравнению с доверительностью, эмоциональностью и близостью «нормальных» выражений [11, с. 200] (Ср.: *Весь университет вышел на демонстрацию. – Все студенты и преподаватели университета вышли на демонстрацию*). Ситуация несколько меняется, если на место конвенциональности приходит окказиональность. Единичные, авторские метонимии, сохраняя обезличенность номинации, часто связаны с выражением эмоционально-оценочного отношения говорящего. Эта функция свойственна прежде всего метонимическим выражениям типа «ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ». Данная функциональная преференция объясняется, на наш взгляд, лежащей в основе метонимии этого типа *редукцией* объекта (целое редуцируется до его части), являющейся аналогом процессов *уменьшения* и *сокращения*, ассоциативно связанных в сознании человека с отрицательной оценкой.

Идея прототипичности взаимодействующих в метонимии концептуальных единиц не отражается, к сожалению, в теории концептуальной интеграции, используемой часто для описания семантики метонимических единиц, что требует, на наш взгляд, ее развития или дополнения. Возникшую лауну, полагаем, может восполнить фреймовый подход к описанию семантики лексических единиц.

В основе теории фреймовой семантики лежит понимание фрейма как комплексной стандартизированной структуры, состоящей из слотов, – вакантных позиций, заполняемых элементами знания, среди которых определенная часть представляет собой устойчивые, типичные величины, активизируемые «по умолчанию», а другая – меняющиеся, определяемые конкретным текстом элементы знания [14–16]. Вакантные позиции представляют собой блоки знания,

в рамках которых семантические элементы связаны одной референциальной областью. Значение лексической единицы понимается в рамках данного подхода широко, а именно, как знание, связанное у носителей языка с обозначаемым объектом.

Таким образом, метонимию можно представить в терминах концептуальной интеграции и фреймовой теории как наложение области-источника на область-цель, которое оправдано наличием в структуре фрейма-цели вакантной позиции, *прототипически совпадающей с фреймом-источником*. Это то общее, что позволяет мыслить один концепт в образе другого, используя соответственно в акте номинации его имя. Выявление этой позиции, определяющей направление редукции, является, следовательно, главной процедурой описания метонимического смыслообразования.

Таким образом, анализ семантики метонимических единиц будет включать следующие этапы:

1. Определение взаимодействующих концептов.
2. Определение вакантной позиции в структуре фрейма-цели, оправдывающей возможность референциального сдвига.
3. Определение семантического содержания данной вакантной позиции.
4. Определение направления редукции семантики фрейма-цели, обуславливающей особенности нового смысла.

Продемонстрируем высказанные нами положения на анализе конкретного текстового фрагмента из современной немецкоязычной художественной прозы.

Bis ich fünfzehn Jahre alt war, trug ich zu kurze Hosen, sie hingrn über den Knöcheln, die Socken wurden jede Woche kontrolliert, ob sie auch keine Löcher hatten, ich musste selbst die Löcher stopfen, mit Socken und mit Hosen geizte Vater, da kommt die Hochwasserhose, riefen die anderen, wenn sie mich sahen, umringen mich, trampelten mir über die Schuhe, die immer neu waren... [17, S. 110].

Метонимическая единица *die Hochwasserhose* используется здесь для обозначения мальчика, носящего слишком короткие брюки. Во взаимодействие, таким образом, вступают концепты HOCHWASSERHOSE и JUNGE. Контекст ситуации актуализирует знание об объекте номинации, заключающееся в том, что мальчики, как и вообще люди, носят одежду. Именно эта позиция – ОДЕЖДА, – входящая в структуру фрейма JUNGE, и является общей в семантике взаимодействующих концептов. В результате этого взаимодействия семантическая структура фрейма-цели JUNGE редуцируется до позиции ОДЕЖДА, которая в качестве конкретного элемента семантики получает такой элемент, как *Hochwasserhose*. Редукция семантики в данном случае осуществляется от

целого – человека до его конкретной части – предмета одежды, что и определяет в итоге семантику пренебрежения и связанное с ней оценочное отношение говорящего. Этот семантический элемент усиливается за счет уточнения типа брюк – короткие брюки, которые носят, когда очень много воды. В результате возникает совмещенный комичный образ мальчика-брюк, поскольку объектом референции имени *Hochwasserhose*, актуализирующем в сознании соответствующий образ, является мальчик.

В заключение подчеркнем еще раз, что метонимический образ рождается в результате наложения (а не совмещения) концепта-источника на концепт-цель, условием которого является прототипичный характер первого по отношению к одной из вакантных позиций второго.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивашина Н. Метонимия : аспекты исследования / Н. Ивашина, Е. Е. Руденко // *Linguistica brunensia* 59. – 2011. – № 1/2. – С. 17–24.
2. Barcelona A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics : an update / A. Barcelona // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2002. – P. 209–277.
3. Radden G. How metonymic are metaphors? / G. Radden // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2002. – P. 407–434.
4. Падучева Е. В. Пространство в облики времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) / Е. В. Падучева // *Логический анализ языка : языки пространств* : сб. науч. трудов. – М., 2000. – С. 239–254.
5. Падучева Е. В. К когнитивной теории метонимии / Е. В. Падучева. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Paducheva.htm>
6. Падучева Е. В. Метафоры и ее родственники / Е. В. Падучева // *Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура* : сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 187–203.
7. Бабина Л. В. Вторичная репрезентация концептов в языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. В. Бабина. – Тамбов, 2003. – 38 с.
8. Langacker R. W. Reference-point constructions / R. W. Langacker // *Cognitive Linguistics*. – 1993. – № 4/1. – P. 1–38.
9. Radden G. Towards a theory of metonymy / G. Radden, Z. Kövecses. – Panther, 1999. – P. 17–59.
10. Kövecses Z. *Metaphor. A Practical Introduction* / Z. Kövecses. – Oxford : University Press, 2002. – 285 p.
11. Drößiger H-H. *Metaphorik und Metonymie im Deutschen* / H-H. Drößiger. – Hamburg : Verlag Dr. Kovač, 2007. – 370 S.
12. Warren B. An alternative account of the interpretation of referential metonymy and metaphor / B. Warren // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. – Berlin ; N.Y. : Mouton de Gruyter, 2002. – P. 113–130.

13. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – I – XV. – 896 с.

14. Fillmore Ch. J. Frame Semantics / Ch. J. Fillmore // The Linguistic Society of Korea : Linguistics in the morning calm. – Seoul : Hanshin Publishing Company, 1982. – P. 111–137.

15. Fraas Cl. Wissen als kognitives und als sozial bestimmtes Phänomen – Zur sprachlichen Manifestation von Bedeutungswissen / Cl. Fraas // Prozesse der Bedeu-

tungskonstruktion. – Frankfurt a. Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; N. Y. ; Oxford ; Wien : Lang, 2002. – S. 39–58.

16. Ziem A. Frames und sprachliches Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz / A. Ziem. – Berlin ; N.Y. : de Gruyter, 2008. – 485 S.

ИСТОЧНИКИ

17. Hacker M. Der Bademeister / M. Hacker. – Frankfurt a. Main : Suhrkamp Verlag, 2006.

Оренбургский государственный университет

Солодилова И. А., кандидат филологических наук, доцент, декан факультета филологии

E-mail: solodilovaira@rambler.ru

Тел.: 8-919-869-78-18

Orenburg State University

Solodilova I. A., Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of the Philological Faculty

E-mail: solodilovaira@rambler.ru

Tel.: 8-919-869-78-18